

ну одновременно [9, т. V, с. 151]. Только в таком случае можно согласовать оценку лагеря как школы всеобщего «растления» с утверждением: «В “КР” нет ничего, что не было бы преодолением зла, торжеством добра...» (Там же, с. 148), а также понять те чувства «очищения» и сострадания, которые испытывал Тарковский, преклоняясь «перед человеком, который был в аду».

Как мы видим, тема «Варлам Шаламов и Андрей Тарковский» имеет большие исследовательские перспективы.

Литература

1. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений : в 5 т. М. : Изд-во АН СССР. Т. 3. С. 236 – 264.
2. Жаравина Л.В. Киноаграфическая составляющая прозы В. Шаламова // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература. Художественный опыт XX – начала XXI века : сб. науч. тр. Саратов : Изд. центр. «Наука», 2010. Вып. 3. С. 172 – 177.
3. Литературная запись кинофильма «Ностальгия». URL : <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/46464>.
4. Литературная запись кинофильма «Сталкер». URL : <http://tarkovsky.su/library/stalker-literary-writing-down>.
5. Салынский Д.А. Киногерменевтика Тарковского. М. : Продюсерский центр «Квадрига», 2009.
6. Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов. М. : ООО ПКФ «Алана», 2006.
7. Тарковский А.А. «Мартиролог» (из дневника) / публ. И.П. Сиротинской // Шаламовский сборник. Вологда: Грифон, 1997. Вып. 2.
8. Тарковский А.А. Лекции по кинорежиссуре. Л. : Киностудия «Ленфильм», 1989.
9. Шаламов В.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст., прим. И. Сиротинской. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2004.

Prose by Varlam Shalamov in the aesthetic context of cinematography by Andrey Tarkovsky

There is analyzed the creative credo of V.T. Shalamov as a prose writer in philosophic and figurative cinema context by A.A. Tarkovsky in the light of basic points about the correlation of verbal and visual-verbal types of arts and moral and behavioral patterns of personages.

Key words: *artistic and aesthetic system, principles of world comprehension, verbalization and visualization, cinematographic component, cinema image, cinema language.*

Н.Е. ТРОПКИНА
(Волгоград)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ДАЧНОГО ТОПОСА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Рассматриваются различные грани семантики топоса дачи в русской поэзии второй половины XX – начала XXI в.

Ключевые слова: *топос, пространство, семантика, национальная картина мира.*

Одним из существенных элементов пространственной картины мира в русской поэзии второй половины XX – начала XXI в. является топос дачи. Т.В. Цивьян отмечает: «Дача является знаком исконно русского потому, что у иностранцев ничего подобного нет, следовательно, они не могут понять сакральной сути дачи, и, следовательно, дача – еще одно слагаемое загадочной русской души» [20].

В художественной семантике образа дачи заложено некое противоречие, в большой мере обусловленное исторически. Пространство дачи маркировано как временное, случайное пристанище – в противоположность сначала усадьбе, а позднее – городской квартире. Приведем строки стихотворения В. Губайловского:

*Кочую по квартирам,
зимой снимаю дачи,
а жизнь бежит пунктиром:
пробелы и удачи [6].*

Образ дачника обретает устойчивый смысл, связанный с временным пребыванием в пространстве:

*Электричка спешит в Москву...
Я давно ни о чем не плачу:
Это дождь.
Разве я живу?
Я здесь просто снимаю дачу [10].*

В то же время пространство дачи наследует отдельные грани семантики усадебного пространства, наделяется его функциями, в частности связанными с устойчивым мотивом сохранения родовой памяти, что будет рассмотрено ниже.

Дачный топос сочетает в себе (в одних случаях гармонично, в других – конфликтно) пространство природы и пространство культуры. И обращение к теме «дачного мира» – преро-

гатива прежде всего тех писателей, для которых главным и определяющим является пространство города. Пример тому – тема дачи в городской прозе Ю. Трифонова [16]. Своего рода лирической параллелью к городской / дачной прозе Трифонова можно назвать стихи Т. Бек. Е. Орлова в статье «Поэтический роман Татьяны Бек», высоко оцененной самой поэтессой [4], пишет: «Вообще в стихах Татьяны Бек с необыкновенной четкостью узнается время и место. Они сами – предмет изображения. И подмеченная применительно к ее творчеству ассоциация с Ю. Трифоновым не случайна» [14]. В стихотворении Т. Бек «Сила слабости...», опубликованном в сборнике стихов 1980 г. «Снегирь», актуализировано несколько граней художественного смысла дачного пространства. В первой части стихотворения возникает пейзаж, характерный для пригородной местности:

*Сила слабости,
робости мощь –
В лепетании
маленьких роц* [3, с. 55].

Пространство *маленьких роц* интерпретировано здесь как своего рода модель, «миниатюра» большой природы – свойство, характерное для дачного топоса как медиатора между миром природы и сферой человеческого бытия, что сближает его с усадебным топосом. Л.Н. Летягин отмечает: «Отношения зависимости и сопричастности – условия обустройства любого пространственного локуса. В усадьбе этот процесс начинается с культуры ландшафта. Его особенностью становится размытость границ рукотворности и естества – культуры и природы» [12]. В этом аспекте значимой становится метонимическая сущность пространства дачной природы (ср. у Б. Ахмадулиной: *Обманувши сады, огороды, / их ничтожный размер одолев, / возымела значенье природы / невеликая сумма деревьев* [1, с. 64] (здесь и далее выделено мной. – Н.Т.).

Далее в стихотворении «Сила слабости...» возникает попытка диалога человека с природой, что в целом характерно для творчества Т. Бек, о которой Е. Орлова пишет: «... поэт через природу обретает связь с миром» [14]. Однако в рассматриваемом стихотворении эта связь не обретена, диалог можно назвать неудавшимся, несостоявшимся. Если человек стремится осознать и утвердить свое единство с природой, то она, в свою очередь, это родство отвергает, что заявлено в финальных строках стихотворения:

*– О родные! –
Но сумрачный вяз
Глянет сотней
оранжевых глаз:*

*– Что ей надо?
И кто вообще
Эта дачница
в сером плаще?* [3, с. 55]

Слово *дачница* явно содержит здесь негативно-оценочный смысл, что обусловлено традицией, сформировавшейся в русской литературе в начале XX в. В то время «“размышление основ” усадебной метафизики в немалой степени было связано с экспансией культуры дачной» [12]. При этом характерно было устойчивое противопоставление усадьбы и дачи: «Дача возникает в русской литературе как антиномия усадьбе: дробление усадебного пространства и появление внутри него дач, совершенно иного, инородного по отношению к усадебному миру локуса» [17, с. 226]. Дачник – не хозяин, а временный обитатель дома и участка земли, «постоялец»: дача «место сезонного проживания, пространство, не существующее или, по крайней мере, не актуальное вне летнего времени» [18, с. 221]. Дача как временное пристанище в противоположность усадьбе, воплощающей семантику дома, рассматривается в ряде специальных исследований, посвященных пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» [11; 15 и др.]. Так, В.В. Кондратьева пишет: «Лопухин предлагает отдать земли под дачи, то есть на смену дому придет дача, временное место обитания» [11, с. 61]. Само слово *дачник* наделяется в пьесе отчасти ироническими, отчасти прямо отрицательными коннотациями. Лопухин говорит: «Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать *размножится* до необычайности» [21, с. 206]. «Зоологический» глагол здесь особенно знаменателен, если учесть, что словам предшествует обмен репликами о лягушках и крокодилах, что особенно отчетливо выявляет иронический подтекст слов чеховского персонажа. В пьесе М. Горького «Дачники», которая явилась своего рода продолжением «Вишневого сада» [13], слово *дачники* звучит и в язвительных словах сторожа Пустобайки: «Дачники – все одинаковые. За пять годов в их видал – без счету. Они для меня – вроде как в ненастье пузыри на луже... вскочит и лопнет... вскочит и лопнет ...» [7, с. 203], в обличительном монологе Варвары Михайловны: «Мы – дачники в нашей стране... какие-то приезжие люди» (Там же, с. 267).

Возвращаясь к стихотворению Т. Бек «Сила слабости...», отметим, что в нем отрицательно-иронический смысл слова *дачница* соотнесен с той гранью его значения, которое сформировано реалиями русской жизни и традицией русской литературы. Однако смысловая доминанта в стихотворении иная, нежели в произведениях начала XX в., – не столько социальная, сколько экзистенциальная. Человек увиден «глазами дерева»: сама природа ощущает его чужеродность: «Дерево – модель жизни» (Т.А. Бек). В стихотворении возникает и цветовая оппозиция: яркий цвет осенних листьев вяза – «оранжевых глаз» – и серый цвет плаща лирической героини. Это не противоречит эпитету-олицетворению «сумрачный», относящемуся к дереву: вяз сумрачен по отношению к чужому, к *дачнице*. Возникшее в русской литературе начала XX в. негативное представление о дачнике как человеке временном, случайном, не по праву заполнившем пространство в поэзии конца XX в., трансформируется: дачник чужд не укладу жизни, он отчужден от природы, от естественного и яркого мира, который его не принимает, как «родного».

Соотнесенность семантики дачного топоса с художественным смыслом усадебного пространства в различных модификациях прослеживается во множестве произведений русской поэзии конца XX – начала XXI в. Особо следует отметить антропологический аспект дачного текста. Т.В. Цивьян в обзоре, посвященном итогам Международной конференции «Summerfolk – Дачники», прошедшей в конце августа – начале сентября 2006 г., отмечает, что программа конференции дала дополнительные повороты темы (например, пространство дачи – бытовое, игровое, детское и т. п.) [20]. Топос дачи в продолжение традиции усадебного мифа может быть репрезентирован в русской поэзии конца XX – начала XXI в. как идиллическое пространство, связанное с воспоминаниями о детстве. Другое устойчивое значение усадебного пространства определено в работе Е. Дмитриевой и О. Купцовой: «Надо ли говорить, что усадьба (как и ее дериваты: усадебный дом, дача, замок и т.д.) есть пространство любви по определению» [9, с. 111]. В поэзии конца XX в. два эти мотива порой иронически соединяются, как, например, в стихотворении И. Кабыш «Браки совершаются... на дачах в раннем детстве» [10]. В стихотворении, первая строка которого перифразирует известное выражение *Браки совершаются на небесах*, разворачивается идил-

лическая картина дачного детства, иронически переосмысленная взрослым автором.

Дачный топос устойчиво связан с воспоминаниями о детстве у многих современных поэтов. Приведем лирическую миниатюру Т. Бек:

*Средь ясного дачного дня
С большого хромого буфета
Радушно глядит на меня
Лицо полевого букета.
На кухне толкует родня
Про то, что я плохо одета...*

*О, счастье погладить коня! –
Последнее детское лето* [3, с. 68].

В этом стихотворении отчетливо выявляются все традиционные атрибуты идиллического хронотопа, типологические особенности которого описаны в работах М.М. Бахтина [2]. Дача – это замкнутое пространство, объединяющее самых близких друг другу людей, пространство привязанности и семейного единения – даже разговор «родни» о том, что героиня «плохо одета», в данном контексте – показатель любви и заботы о ней. Сам дачный интерьер знаменателен: в его описании определяющим становится упоминание *большого хромого буфета* – предмета старого быта, старательно изгоняемого из городских квартир. Знаменателен здесь эпитет *хромой*. Обыденное значение его в применении к предмету мебели предполагает, что он поломан (ср. в словаре В.И. Даля «Хромая нога, причина хромоты, состоянья хромого. Хромой стул с одной короткою или шаткою ножкой» [8, с. 566]. В стихотворении Т. Бек эпитет обретает новую актуализацию: не просто буфет с короткой или шаткой ножкой (такое определение к *большому буфету* вообще едва ли применимо), но предмет очеловеченный, старый и заслуженный обитатель дачи, участник жизни «родни». Не менее знаменательны в этом тексте другие атрибуты идиллического хронотопа, одна из особенностей которого – «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни» [2, с. 375]. В стихотворении «Средь ясного дачного дня...» взрослый человек вспоминает детское ощущение гармоничного единения с природой (*счастье погладить коня*), пребывания в родстве с нею. Знак такого родства – *лицо полевого букета*, его *радушный взгляд*.

Таким образом, дачное пространство, подобно усадебному, связано с мотивом сохранения родовой памяти. В «дачном случае»

этот смысл нередко оказывается сниженно-бытовым: пространство загородного жилища заполнено рухлядью, «сосланной» из городской квартиры. Но это прибежище старых вещей, утративших свое утилитарное назначение, наполняется высоким смыслом, оказывается хранилищем памяти и в итоге уподобляется высокому искусству. Так происходит, например, в стихотворении С. Гандлевского «Признаки жизни, разные вещи...», датированном 2005 годом:

*Сколько стараний, поздних прозрений,
ранних вставаний!
Дачная рухлядь – вроде искусства,
жизни сохранней.*

*И воскрешает, вроде искусства,
сущую малость –
всякие мысли, всякие чувства,
прочую жалость* [5, с. 7].

В финале стихотворения обретенное среди дачной рухляди висящее платье (*Матери что ли?*) оборачивается символом родства, семейной памяти, которая связана с дачным топосом. И. Фаликов пишет о стихотворении «Признаки жизни, разные вещи...»: «Это тысячелетне-патриархальное сознание набито “признаками жизни, разными вещами”, “дачной рухлядью” <...> Элегия сведена к частушке, которая щемит сердце» [19, с. 212].

Дачное пространство, соотносимое с пространством усадьбы, связано с темой сохранения не только родовой, семейной, но и исторической, культурной памяти. Так, в упомянутом выше стихотворении И. Кабыш обращается к рассказу «Антоновские яблоки»: дачное пространство XX в. прямо переключается с усадебным пространством Бунина:

*Яблоками был завален весь дом...
Дом насквозь пропах Буниним,
тем его томом –
большим, с желтыми страницами, –
где были «Антоновские яблоки»* [10].

Этот смысловой пласт дачного текста русской литературы занимает существенное место в поэзии Б. Ахмадулиной. В ее лирике обращение к теме дачи и дачников встречается не раз, что актуализировано в заглавиях стихотворений поэта разных лет: «Дачная сюита», «Опустевшая дача», «Дачный роман». В последнем из названных произведений особенно отчетливо проявилось то свойство дачного топоса, которое может быть соотнесено с пассажем Серебряного века, приводившим к «возрождению усадебного мифа» [9, с. 298].

Объем статьи позволил коснуться лишь некоторых аспектов художественного смысла дачного топоса современной русской поэзии в сопоставлении с семантикой усадебного пространства. Их сходство и различие очевидны, и это представляется существенным для анализа природного и культурного пространства русской литературы конца XX – начала XXI в.

Литература

1. Ахмадулина Б. Блаженство бытия: Стихотворения. М., 2001.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
3. Бек Т.А. Избранное. М., 2009.
4. Бек Т.А. «...Я живу в живых». Беседу вела Е. Константинова // Вопр. лит. 2010. №1.
5. Гандлевский С. Синий свет: стихи // Нов. мир. 2005. №6.
6. Губайловский В. В тени стиха // Нов. мир. 2004. №4.
7. Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 6. М., 1950.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1982. Т. 4.
9. Дмитриева Е.Е., О.Н. Купцова. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2008.
10. Кабыш И. Рай – это так недалеко: стихи. URL : <http://www.pereplet.ru>.
11. Кондратьева В.В. Мифопоэтика пространства в пьесах А.П. Чехова 1890 – 1900-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007.
12. Лятегин Л. Н. Усадебный металадшафт России. URL : <http://aesthetics-herzen.narod.ru/collegium/leo/leo-land.htm>.
13. Николаева Л.В. Ранняя драматургия М. Горького в историко-функциональном изучении: проблема интерпретации жанра пьес «Мещане», «На дне», «Дачники» : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2000.
14. Орлова Е. Поэтический роман Татьяны Бек // Арион. 2001. №2. URL : <http://magazines.russ.ru/arion/2001/2>.
15. Разумова Н.Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001.
16. Селеменова М.В. Городская проза как идейно-художественный феномен русской литературы XX века. М., 2008.
17. Семеницкая О.В. «Путешествие» на дачу: «дачный текст» в современной литературе // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 19 – 20 нояб. 2009) : в 2 ч. Самара, 2010. Ч.2. С. 221 – 226.

18. Синицкая А.В. Ваши шесть соток (Дачная «мифология» в российском культурном контексте) // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 19 – 20 нояб. 2009) : в 2 ч. Самара, 2010. Ч.2. С. 221 – 226.

19. Фаликов И. Все сбылось. О стихах Сергея Гандлевского // Знамя. 2008. №8. С. 209 – 213.

20. Цивьян Т.В. Дача и дачники в русском представлении. Предварительные материалы. URL: http://www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_civjan_dacha.doc.

21. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 1978. Т.13.

Artistic semantics of dacha topos in the Russian poetry of the second half of the XX century

There are considered different sides of the semantics of dacha topos in the Russian poetry of the second half of the XX – beginning of the XXI century.

Key words: *topos, space, semantics, national world picture.*

Л.Н. САВИНА
(Волгоград)

**ИДИЛЛИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП
ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.Т. АКСАКОВА
«СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА» И
«ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА»**

Рассматриваются приемы создания идиллического хронотопа в автобиографических произведениях С.Т. Аксакова с позиции воплощения «усадебного мифа».

Ключевые слова: *идиллический хронотоп, «усадебный миф», автобиографические произведения.*

Усадебная тема в последние годы привлекает пристальное внимание историков, архитекторов, искусствоведов и литературоведов, поскольку «постижение образа дворянской усадьбы как одного из фундаментальных символов истории России является способом националь-

ного самопознания и самосохранения и представляет возможность восстановления обширного комплекса нравственно-эстетических норм, во многом утраченных в перипетиях последних столетий» [7, с. 3]. «Сколок Эдема», обретенная Аркадия предстают перед нами не только в воспоминаниях мемуаристов, но и в произведениях Пушкина, Тургенева, Чехова, в эмигрантской прозе Бунина, Зайцева, Набокова, создающих свой «усадебный миф». Время, проведенное на лоне природы, в родовом гнезде, для многих персонажей отечественной классики становится ностальгическим воспоминанием, связанным с темой сохранения семейной, исторической и культурной памяти.

Попытку воссоздать провинциальную усадебную жизнь в ее первозданной сущности одним из первых предпринял С.Т. Аксаков в автобиографических произведениях «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». Пространственно-временные отношения в данных произведениях напоминают хронотоп идиллии, где существует особая взаимосвязь времени и пространства: «органическая прикреплённость, приращенность жизни и ее событий к месту – к родной стране со всеми ее уголками, <...> к родным полям, реке и лесу, к родному дому. Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки. <...> Единство места сближает и сливает колыбель и могилу, <...> детство и старость. Это определяемое единством места смягчение всех граней времени существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени» [3, с. 158]. Аксаков не случайно акцентирует внимание читателей на крепости семейных начал, построенных на полной покорности авторитету старших, но содержащих нечто патриархальное, нравственно сильное, чем только и может держаться семья. В повестях писателя «все дышит глубоким миром твердо установившегося склада, все напоминает величавое спокойствие неприкосновенного векового леса. <...> Семья живет и множится, как природа, – спокойно, бессознательно, – в силу какого-то непреложного внутреннего закона» [4, с. 127].

В изображении писателя необжитое Уфимское наместничество поистине напоминает земной рай, столь традиционно ассоциирующийся с усадебным мифом: «Что за уголье, что за приволье было тогда на этих берегах! Вода